

¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 16, л. 95, 100.

¹² Известия Витебского губсовета, 1920, 28 января; 4 сентября.

¹³ Из истории гражданской войны в СССР.— М., 1961, т. 3, с. 174—175.

¹⁴ ГА Гомельской области, ф. 428, оп. 1, д. 207, л. 82.

¹⁵ ГА Витебской области, ф. 2268, оп. 1, д. 47, л. 202, 201.

¹⁶ См.: Думы бедняка, 1920, 1 октября.

¹⁷ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 1, оп. 1, д. 225, л. 40.

¹⁸ ПА ИИП при ЦК КПБ, ф. 390, оп. 1, д. 79, л. 23.

¹⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 41, с. 332—333.

А. М. БАБКОВ

ГЕРМАНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ЗАХВАЧЕННОЙ В 1918 ГОДУ ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Вероломно нарушив условия Брестского перемирия, войска кайзеровской Германии оккупировали зимой-весной 1918 года большую часть территории Белоруссии. Цель германской интервенции заключалась в отрыве Белоруссии от Советской России, ликвидации Советской власти и превращении ее в аграрно-сырьевой придаток Германии. Однако напуганные размахом революционно-освободительной борьбы белорусского народа германские империалисты вынуждены были оправдывать вторжение демагогическими заявлениями о стремлении предоставить белорусскому народу самоуправление. О том, какой смысл германское командование вкладывало в понятие «самоуправление», говорят публикации издававшегося им в Вильно «Военного Вестника», в которых белорусскому народу обещали создание «своего национального государства, монархического и союзного Германии».¹ «Вестнику» подпевала газета «Гоман», отражавшая взгляды белорусских буржуазных националистов, готовых стать прислужниками оккупантов. С целью насаждения белорусского сепаратизма немецкая оккупационная администрация использовала также пропаганду проекта «возрождения Великого княжества Полоцкого».²

Германские империалисты особое внимание уделяли усилению идеологической обработки белорусского народа. Громогласно заявляя, что защищают местное население «от анархии и большевиков», они пытались получить со стороны местного населения поддержку своей оккупационной политике, не спрашивая, нужна ли белорусам такая «защита».

На захваченных белорусских землях оккупанты создали новую администрацию, которая должна была содействовать укреплению диктатуры немецкой военщины в целях ограбления населения и его идеологической обработки. Старое губернское административно-территориальное деление отменялось и учреждалось корпусное. Согласно § 5 «Распоряжения об устройстве Военного Управления во вновь оккупированной области», из захваченных частей бывших уездов и волостей создавались новые уезды и волости.³ Высшей инстанцией оккупационного управленческого аппарата являлось Обер-Командо во главе с ляндесгауптманом. Для управления областями создавались Генерал-Командо во главе с бециркгауптманами. Управление уездами и волостями осуществляли командо под руководством крейсгауптманов и амтгауптманов. Повсеместно учреждались немецкие комендатуры. Ляндесгауптман, бециркгауптманы и крейсгауптманы занимались главным образом административной работой. Все другие представители управленческого аппарата выполняли административные функции одновременно с военной службой. Организаторы «германского порядка» надеялись таким образом обеспечить не только постоянный и методичный грабег населения, но и установить за ним повсеместную слежку.

Германские оккупанты стремились использовать в своих грабительских интересах не только военную администрацию, но и бывшие городские думы и земские управы. В них заняли господствующее положение возвратившиеся вместе с интервентами помещики и капиталисты. Восстановленным органам буржуазного самоуправления отводилась роль безгласных исполнителей приказов и распоряжений немецких военных. Попытка Минской городской думы высказать малейшее несогласие с незаконными арестами оккупантами населения и лишением его элементарных политических прав привела к ее роспуску. Распоряжением командующего 10 армией генерала Фалькенгайна от 31 мая функции Минской думы перешли к управе, состоявшей из городского головы и членов

управы (штадтратов). При этом как городской голова, так и штадтраты назначались командующим по предложению коменданта. Обсуждение важнейших вопросов города возлагалось на Совет доверенных лиц, решение которого имели совещательный характер. Окончательное решение принимали только германские власти⁴. Для урегулирования взаимоотношений немецких властей и населения был учрежден институт поветовых (уездных) старшин. Они должны были работать в контакте с немецкими начальниками уездов и комендантами. Милиция была выведена из подчинения городским властям, она наделялась полицейско-политическими функциями для оказания помощи германским оккупационным властям в карательных действиях. Минский штадтгауптман Кунат Израэл сообщал, что «переход милиции под командование градоначальника или полицмейстера последовал по распоряжению Минской комендатуры с согласия Главнокомандующего III резервным корпусом»⁵.

Распоряжения оккупационных властей унижали достоинство населения: были введены телесные наказания, ограничивалась свобода передвижения. Так, приказом коменданта волости Старое Село местным жителям разрешалось ходить из одной деревни в другую только днем. За пропуск нужно было платить 1 рубль и вносить залог 10 рублей. Приказ обязывал население волости кланяться немецким офицерам⁶. Всякая политическая деятельность запрещалась. Отменялись свобода слова, печати, собраний. Вводилась предварительная цензура. Закрывались даже кадетские газеты «Минская мысль», «Бобруйский курьер». По распоряжению Фалькенгайна были преданы суду члены центрального бюро профессионального союза рабочих и служащих, объединявшего до 10 тыс. человек. Немецкий язык объявлялся языком не только официального общения с местным населением, но и служебной переписки. Так, немецкий полицмейстер Минска отказался принять корреспонденцию губернской земской управы только потому, что «закрывающаяся в ней переписка изложена на русском языке»⁷. Однако убедившись, что распоряжения на немецком языке большинству населения непонятны, германское командование вынуждено было разрешить печатание распоряжений также на русском, белорусском, еврейском, польском языках. Грубо нарушая международные правовые нормы, оккупанты отправляли местное население на принудительные работы в Германию. Только из Минска было принудительно отправлено 15 тыс. человек⁸.

На оккупированной территории захватчики также широко практиковали принудительный труд. В Минской губернии была проведена регистрация мужского населения. 9 апреля Минской немецкой комендатурой были расклеены объявления, в которых говорилось об отправке городских жителей на работы в сельскую местность «в целях обеспечения города продовольствием»⁹. На самом деле преследовались другие цели: выкачать из белорусского села как можно больше продовольствия не только для нужд оккупационной администрации, но и для поставок в Германию. В отдельных местностях узаконивались постоянные 2—3-дневные барщинные отработки на помещичьих полях. Население бесплатно ремонтировало дороги, мосты. Зажиточные слои населения были освобождены от выполнения трудовой повинности. В важнейших для военного времени отраслях (железнодорожном транспорте, лесном хозяйстве и некоторых других) интервенты ввели мизерную оплату труда для местных жителей. Широко применялись женский и детский труд. Продолжительность рабочего дня составляла в среднем 10—12 часов¹⁰.

Германские империалисты установили жесточайший режим произвола и насилия. Население оказалось вне закона. Наряду с германскими военными судами восстанавливались дореволюционные суды. Высшей гражданской судебной инстанцией в уезде являлся немецкий начальник уезда. Полномочия старых судов были сильно ограничены: из их ведения изымались административные дела. Политические дела рассматривали только германские власти.

Тяжелым бременем на плечи белорусского народа легли налоги. В Белоруссии оккупационная налоговая система должна была не только покрывать расходы на содержание немецкой военной администрации, но и служить источником обогащения интервентов. Они привлекли к грабежу населения волостные, земские управы. Оккупационные власти налагали также на население единовременные платежи. Например, с Полоцкого уезда было запланировано взыскать 500 тыс. рублей. На лиц, не уплативших в срок сбор, налагался штраф в размере 10 % суммы плате-

жа за каждую просроченную неделю¹¹. Широко применялась косвенная система грабежа. Захватчики ввели ряд новых налоговых сборов: военный налог на публичные зрелища, канцелярский и квартирный сборы. Распоряжением командующего 10-й армией все налоги и подати с 10 июля исчислялись в оккупационных рублях¹². По замыслам германских экономистов, это должно было оградить Германию от курсовых потерь и выкачать из Белоруссии как русскую, так и немецкую валюты.

Наиболее разорительными для белорусского населения оказались реквизиции. В Центральном государственном историческом архиве БССР в Минске сохранились разнообразные документы о принудительном изъятии у населения продовольствия, сырья. Продажа продовольствия и кормов частным лицам запрещалась. Для населения устанавливались минимальные нормы продовольственных пайков. По распоряжению командующего III резервным корпусом Бредова удовлетворение потребностей населения допускалось в следующих размерах: 225 г зернового хлеба и 50 зерновой смеси, 300 г картофеля—ежедневно, 150 г мяса или рыбы на душу населения—еженедельно¹³. В селах расклеивались приказы, запрещавшие жителям без разрешения германских властей приступать к покосу, сбору овощей и фруктов. Реквизиционные поставки достигали огромных размеров. Так, по требованию оккупантов Борисовский уезд должен был поставить им 900 тыс. пудов ржи, 300 тыс. пудов ячменя, 38 тыс. пшеницы, 800 тыс. овса, 600 тыс. пудов картофеля. Такие размеры поставок оказались непосильными, так как Борисовский уезд (как и вся Минская губерния) являлся потребляющим даже в мирное время. До войны среднегодовой ввоз зерна в Борисовский уезд превышал вывоз на 395 тыс. пудов. Койдановская волость Минского уезда должна была поставить 113 тыс. пудов ржи, что составляло 60 % сбора урожая. После такой реквизиции в крестьянской семье оставалось на год 3,5 пуда хлеба¹⁴. Реквизиции превратились в губительный для населения грабёж. За изъятые продукты, сельскохозяйственное сырьё крестьянин получал квитанции и (в редких случаях) денежную компенсацию, которая далеко не соответствовала стоимости реквизированных продуктов. Так, в июле—октябре 1918 года 438-й полк реквизировал у населения Дудичской волости Речицкого уезда сельхозпродукты, стоимость которых составила 45 178 рублей, а сумма компенсации—около 7 955 рублей¹⁵. За счет реквизиционных поставок обеспечивались нужды не только германской армии, оккупационной администрации, но и внутренние потребности Германии.

Военно-колониальная политика германского империализма нанесла большой ущерб белорусскому народу, способствовала росту нищеты, голода и болезней. Но планы империалистической Германии по окончательному закабалению Белоруссии вскоре потерпели крах. Обострение классовой борьбы внутри Германии, военные поражения и революционизирование армии, успешный освободительный поход Красной Армии, усиление партизанской борьбы в Белоруссии, Литве, на Украине привели к поражению немецких захватчиков и освобождению населения оккупированных ими территорий.

¹ ЦГАОР БССР, ф. 4, оп. 1, д. 18, л. 26.

² Дзяніца, 1918, 3 июля.

³ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 1, д. 1095, л. 190.

⁴ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 7059, л. 30.

⁵ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 3678, л. 143.

⁶ Там же, л. 87, 131.

⁷ Там же, л. 53.

⁸ См.: Гісторыя Беларускай ССР.— Мінск, 1973, т. 3, с. 117.

⁹ Борьба за Советскую власть в Белоруссии: Сборник документов и материалов.— М., 1968, с. 170.

¹⁰ Библиотека Академии наук Литовской ССР: Отдел рукописей, ф. 21—862, л. 3.

¹¹ ЦГИА БССР в Минске, ф. 2564, оп. 1, д. 262, л. 24.

¹² Государственный архив Минской области, ф. Р-213, оп. 1, д. 24, л. 42.

¹³ См.: Разгром немецких захватчиков в 1918 году.— М., 1943, с. 131.

¹⁴ ЦГИА БССР в Минске, ф. 325, оп. 1, д. 1142, л. 120.

¹⁵ Красный архив, 1938, № 6, с. 98. (Подсчитано автором.)